

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения правообладателей.

СОНЯ СЕРЕДОЙ

ДЕСЯТЬ ПОГРЕБАЛЬНЫХ НОТ

Москва
2026

ЧАСТЬ 1
—■—
ХАНЬ И

ГЛАВА 1

ЧЁРНЫМИ ПИКАМИ СОТКАНА ДОРОГА

На высоком чёрном копье, пронзающем слепящую белизну бурана, в изголодавшемся по кислороду мозгу укрепилась стойкая мысль: «Это конец».

С концом приходит осознание того, на что она подписалась, ступая по тропе мертвецов. С концом приходит понимание, почему родная мать так порицала её, решившую не только пойти вслед за братом, но и потащившую за холодной смертью своего племянника.

Теперь, крепко держась за верёвку, служившую единственной связью с жизнью, она боялась шелохнуться. В пуховых варежках едва ли удавалось что-то прощупать замёрзшими руками. Снимать их в такую погоду — всё равно что добровольно попрощаться с пальцами. Боль от сжатого кулака рассыпалась мелкими невидимыми иглами и неприятно кольнула в сердце. В голове прозвучали страшные крики матери:

«Хочешь всю семью извести, да, Хань И¹? Сначала твой брат умер в этих проклятых горах! А теперь ты решила потащить за собой и племянника?!

---

¹ Хань И (кит. 寒意) — признак холодов.

Посмотри на свою невестку! Отнимаешь у неё любимого сына!»

Что ж, в одном мать была права — любовь к альпинизму погубила старшего брата Ханя, которого горы очаровали подобно дарам небожителей. Она позволила ему вкусить эту сладкую любовь, словно спелый плод персика, смоченный в смертоносном яде. Старший брат Хань отчаянно желал покорить все четырнадцать восьмимысячников планеты, эта идея горела в нём жгучей страстью, затмевающей даже интерес Хань И к горным вершинам. Но вместо того, чтобы вернуться к своей семье, старший брат Хань так и остался в холодных объятиях могущественной Цяогэли Фэн¹, известной также как К2, или Чогори.

И теперь величественная Чогори пожелала забрать и других родственников Хань, словно в предупреждение людскому роду: сколько бы денег у тебя ни было, они не спасут от буйства природы.

Хань И осмотрелась. Но за очками, защищавшими глаза от острых крупниц снега, ничего не видела, кроме белой мглы. Весь мир сузился до её тела, которое холодело с каждой минутой. Пальцы уже нещадно болели, — хорошо, конечно, что она их чувствовала, а вот когда перестанет, то может с ними попрощаться.

Послышался чей-то голос. Или же это ветер утрашающе пытался запугать её так же, как и мать, видевшая в ней тигра, отпускаемого в горы²? Довольно забавное совпадение в сравнении, учитывая, что после смерти старшего брата Ханя семья решила всю обиду и обвинения вывалить ей на голову.

---

¹ Цяогэли Фэн (китайское название), Чогори, также известная как К2 (кит. 乔戈里峰) — вторая по высоте горная вершина Земли (после Джомолунгмы). Самый северный восьмимысячник мира, высота составляет 8611 метров.

² Отпускать тигра в горы (кит. 放虎归山) — выпустить злодея на свободу, в свои родные места; развязать руки врагу.

Если воспоминания начали тяготить её сильнее, чем вопрос собственного выживания, дела обстояли скверно. Обозлившись на проявленную слабость, Хань И сдвинулась с места и продолжила медленными шагами прокладывать тропу. Снега навалило столько, что за несколько часов следы их восхождения уже успели исчезнуть. Спасительная нить в виде связки страховочных верёвок не давала потерять опору и надежду. Пока она жива, она должна действовать. Позади неё следовали товарищи по экспедиции, среди которых находился Хань Цзишэ¹. Она должна во что бы то ни стало спустить племянника с этой горы, он ещё слишком молод, чтобы закончить так же, как его отец. Да что там Хань Цзишэ, Хань И даже тридцати не исполнилось, так что рано ей ещё отправляться к предкам на небеса.

— Хань И!!! — наконец сквозь яростный свист ветра прорезался чей-то голос.

Обернувшись, Хань И увидела приближающееся красное пятно на фоне буйствующей белизны, в котором она узнала Го Бао², лучшего друга старшего брата Ханя, с которым они часто отправлялись в экспедиции. Увидеть хоть какого-то живого человека оказалось огромным счастьем, однако Хань И не успела расслабиться.

— Где портер³?! — прокричал сквозь свист ветра Го Бао.

Они наняли несколько профессиональных портеров для своей экспедиции с договорённостью, что трое из них взойдут с ними на вершину Чогори. Один из них сопровождал Хань Цзишэ, как самого молодого члена команды, другие замыкали и вели процессию. Хоть

¹ Хань Цзишэ (кит. 急射) — холодный беглый огонь.

² Го Бао (кит. 国宝) — национальное сокровище.

³ Портер — носильщик, которого нанимают для переноски вещей альпинистов на маршруте.

племянник и капризничал, настаивая, чтобы портер сопровождал её, единственную девушку, Хань И за уши оттащила этого двадцатитрёхлетнего дурака.

— Шёл впереди, но в какой-то момент я потеряла его из виду. Рации в такую метель не работают.

Го Бао, судя по бормотанию, раздражённо выругался.

— А где Хань Цзишэ, он пошёл вперёд?

— Что?! — не расслышав вопроса из-за свиста бури, воскликнула Хань И.

— Хань Цзишэ! — по слогам проговорил Го Бао. — Где он?!

В этот момент погода на пике Чогори показалась Хань И осенней прелюдией по сравнению с удушающим холодом, пробравшим её изнутри. Сердце застучало ещё сильнее, изнывая от необходимости работать на пределе возможностей. Хань И невидящим взглядом смотрела сквозь стекла горной маски на Го Бао, поражённая новостью, что Хань Цзишэ куда-то исчез.

Голову пронзил страшный крик матери: «Ты его погубишь! Хочешь его убить, неблагодарная!»

Поддавшись эмоциям, Хань И схватила Го Бао за плечи и трянула так, что невольно подивилась откуда-то появившимся силам.

— Что значит «где он»?! — срываясь на свирепый рёв, воскликнула Хань И. — Он же шёл перед тобой! Где мой племянник?!

— Хань И, успокойся! В такую погоду он не мог уйти далеко от маршрута, он умный парень!

От испуга и потрясения Хань И потеряла опору и едва не отпустила связку веревок. Слова, звучавшие наглым оправданием, оскорбили её до глубины души. Они находились на высоте третьего лагеря ребра Абруцци. Восхождение длилось уже больше двенадцати

часов, и, хотя они достигли вершины, им предстояло ещё спуститься вниз. В этом и заключалась главная сложность любого восхождения — в том, чтобы спуститься вниз живым.

И теперь Го Бао смеет говорить, что младший член экспедиции потерялся где-то на пути между ними?! Буквально в нескольких разделяющих их чжанах¹! При всём своём легкомысленном отношении к жизни и любви к праздности, Хань Цзишэ был ещё не до такой степени избалован, чтобы не осознавать ценность собственного существования!

— Стой, Хань И! Что ты делаешь?!

Она не ответила, принявшись в лихорадочной спешке перестёгивать страховочные крепления, чтобы оказаться выше Го Бао по склону. Чуть ли не силой оттолкнув его и переступив через его страховочный трос, она пристегнулась к связке верёвок, покрытых мелким снегом, и закрутила карабин. Из-за огромных перчаток движения были неуклюжими, сбивчивыми, отчего Хань И с трудом сдержалась, чтобы не откинуть их прочь. Повторяя про себя, словно мантру, что паника ничем не поможет, она смело шагнула ввысь по опасному склону.

Ветер нещадно бил в лицо и грудь. Величественная Чогори разбушевалась не на шутку, её гнев вздымался до звёзд роем острых снежинок. Невольно у Хань И возникла ассоциация с богиней из традиционного китайского фольклора — с богиней Си Ван Му, не желающей принимать её в свои священные чертоги. Учитывая близость гор Куньлунь, с которыми граничил пик Чогори, Хань И была готова поверить во что угодно, лишь бы отыскать Хань Цзишэ.

«Мы не можем умереть здесь. Ты не можешь умереть здесь», — в отчаянии, которое сжигало изнутри

¹ Чжан, рыночный чжан (кит. 市丈) — 3½ м.

раскалёнными углями, повторяла про себя Хань И. Мольбы перемешались в её голове со словами, которыми её проводила родная мать в эту экспедицию.

Отчаяние казалось глубоким болотом, в котором она увязала с каждым шагом. Хотелось кричать, молить богов о милости. Хань И понимала, что её жизнь, несмотря на отсутствие семьи, всё же имела смысл. Но в этот миг она хотела променять все свои богатства и влияние на жизнь Хань Цзишэ.

Шаг, ещё шаг. Силы увядали подобно мягким лепесткам розы в морозную стужу. Освободив ледоруб, Хань И помогала себе передвигаться и не переставала осматриваться. Но её окружало только ледяное полотно белой смерти.

— Племянник... Цзишэ... — дрожал её голос.

Она слишком любила этого несносного мальчишку, чтобы вернуться без него домой. Такого не переживёт не только вся семья Хань, но и сама Хань И. Уж лучше она останется в горах вместе с ним и старшим братом Хань.

Такова цена для всех альпинистов, желающих покорять вершины этого мира. Их никто не понимал. Зачем рисковать жизнью ради обычной галочки? Ради кричащего лозунга — о боже, да я взошёл на одну из высочайших гор мира! Когда Хань И покорила Эверест, она поняла, зачем. Потому что другие не могли, потому что человек, прошедший испытание горами, умел преодолевать любые трудности. Это закаляло, а также заслуживало почёт. Это низменный эгоистичный порыв доказать остальным, что ты лучше. Преодоление ради удовлетворения собственного эго.

Но в этот раз, поставив желания на кон перед Чогори, Хань И проиграла.

Снег под ногами вдруг осыпался, заглатывая Хань И по пояс. Успев отреагировать, она зарубилась

ледорубом в снежную корку. Страховочный трос натянулся, спасая от падения в черневшую голодной пастью расселину. Страх смерти заставил Хань И действовать. Подтягивая себя на ледорубе и попутно хватаясь за страховочную верёвку, она закинула ногу на край образовавшейся дыры. Снег хрустел под тяжёлыми ботинками, — удивительно, как она, настолько обессилев, вообще смогла пошевелить ногами.

С трудом переводя дыхание и борясь с подступавшей тошнотой, Хань И почувствовала закрадывающееся беспокойство. Хотя, казалось, куда уж спокойнее. Что-то её очень сильно волновало, и за буйством погоды она не сразу поняла, что страховочный трос подозрительно вибрирует. Хань И подняла взгляд и обнаружила, что её красный страховочный трос цеплялся карабином за белоснежную от льда и налипшего снега верёвку, истрепавшуюся в нескольких местах.

У Хань И на мгновение замерло сердце. В спешке она закрепилась не за новые проложенные перила, а старые, которые пережили явно не один месяц. Секунда, растянувшаяся бесконечностью, наполнила Хань И звенящей пустотой. Она ни о чём не могла думать, кроме того, что висит буквально на волоске от смерти — и вот он с отвратительным звуком порвался.

В первый миг Хань И даже не поняла, почему катилась по белоснежному склону, а не рухнула сразу вниз. Единственное, что она успела сделать, это зарубиться ледорубом, но зубец, как назло, не желал становиться её шансом на спасение.

Снежной парчой, проштопанной чёрными пиками Каракорума¹, выслана дорога к смерти. А глубокие

---

¹ *Каракорум* — горная система Центральной Азии, одна из высочайших на Земле, расположенная на северо-западе от западной цепи Гималаев.

льды становятся колыбелью каждого, кого боги посчитали недостойным.

Помнится, старший брат Хань часто повторял это, когда заворожённо смотрел на горные вершины перед своим последним восхождением. Тогда Хань И считала его чересчур мечтательным, а теперь казалось, будто он что-то знал. Что-то такое, о чём простые смертные вроде неё не подозревали. Старший брат Хань был счастлив и любил свою жизнь, с чего ему терзаться столь трагичными и мрачными мыслями? Хань И находила его чересчур сентиментальным. Он не подходил на ту роль, к которой его готовили родители. Либо делал вид, что не подходит.

И что такой человек забыл в горах? Именно он привил Хань И любовь к долгим походам и альпинизму. В итоге их слепая любовь, граничащая с одержимостью, погубила всех троих.

Хань И даже не понимала, сколько пролежала под холодной пеленой снега, которой её укрыл ветер. Дышать становилось труднее, холод пожирал конечности, и в какой-то момент Хань И действительно захотелось закрыть глаза и остаться похороненной под толщей льда и снега. Ведь что ни высочайшая вершина мира, то братская могила, в которой лежали сотни отчаянных альпинистов и портеров, стремившихся дотянуться до небес.

Тяжкий вздох вырвался изо рта, встретившись с плотной флисовой маской. Нет, нельзя умирать. Пока в ней теплилась хоть малая искра, она должна отыскать Хань Цзишэ. Умрёт так умрёт, а если найдёт, то не зря поборется!

Вот только даже встать на колени стоило немалых сил. Погода в горах — главная опасность. То белые тучи, то серые собаки¹, никогда не знаешь, чего ожидать даже

¹ *То белые тучи, то серые собаки* (кит. 白云苍狗) — быстрые перемены, вдруг, ни с того ни с сего.

с самым проверенным прогнозом. Тем не менее, оглядевшись, Хань И подумала, что метель немного успокоилась, во всяком случае, ветер перестал валить её набок. Да и теплее стало.

Вдалеке что-то промелькнуло. С какой-то иронией Хань И подумала, что это её жизнь — маленький тусклый огонёк, — но куда вероятнее, что ей просто показалось. Она обессилена и обезвожена, мало ли что прикидилось. Вот только здравомыслие в такой ситуации никак не помогало отогнать навязчивую надежду.

Прищурившись и всмотревшись в серое полотно вьюги, Хань И затаила дыхание. И действительно, тусклая точка мерцала вдалеке, напоминая горящий фонарь. От облегчения, потрясения и радости у неё чуть не вырвался из груди жалобный стон, захотелось заплакать от счастья. Вот оно, спасение! Хань И хотелось разрыдаться, как маленькой девочке, заблудившейся в лесу, однако она приказала себе быть сильной.

Мгновения переплелись одно с другим, перерастая в минуты, а затем и вовсе прошло столько времени, что можно было бы неторопливо испить чашку чая¹ знойным летом. А тусклый фонарь так и не приблизился ни на чжан. Неужели кто-то стоял посреди бурана на склоне горы? На смену мимолётному возмущению пришло понимание.

«И действительно, куда лучше оставаться на одном месте. Может, там установили палатки, и кто-то решил укрыться, чтобы самому не помереть? Если так, то я, должно быть, совсем недалеко от второго лагеря».

Эта мысль и обнадеживала, и пугала. Между вторым и третьим лагерями лежало не меньше шестисот

---

¹ Чжань ча (кит. 盞茶, дословно «одна чашка чая») — 15 минут.